

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-311.2

**Темы и образы в романе Лю Чжэньюня
«Дети стадной эпохи»***О. П. Родионова*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Родионова О. П. Темы и образы в романе Лю Чжэньюня «Дети стадной эпохи» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2020. Т. 12. Вып. 1. С. 66–87. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2020.105>

Рассматриваются темы и образы в романе китайского писателя Лю Чжэньюня (р. 1958) «Дети стадной эпохи» (2017), который, с одной стороны, является попыткой осмысления писателем межличностных отношений и человеческого бытия в век технического прогресса, а с другой — следует традиции духовных поисков в китайской и мировой литературе. Темы и образы романа высвечивают ряд проблем современного китайского общества, связанные с культурными и этнопсихологическими особенностями китайской нации. Основополагающая тема нового романа Лю Чжэньюня — национальный характер китайцев. Среди китайских писателей, в свое время блестяще осветивших данную тему, выделяются Лу Синь (1881–1936), Лао Шэ (1899–1966), Линь Юйтан (1895–1976) и др. В романе «Дети стадной эпохи» Лю Чжэньюнь продолжает высмеивать пороки своих современников. Отличительной чертой его произведения стало наличие в нем незримой, но вездесущей толпы интернет-зевак. Персонажи романа «Дети стадной эпохи» заражены жадной выгодой, в цене расчетливость, меркантильность и обман. Лю Чжэньюнь наделяет этими чертами героев всех социальных слоев. В его произведениях отсутствуют границы между положительными и отрицательными персонажами. Кроме того, писатель рассматривает проблему разложения народа и власти. С одной стороны, она раскрывается через темы, обозначенные выше, с другой — через тему борьбы с коррупцией и роскошным образом жизни. Автор дает понять, что благие намерения руководства искоренить явления морального разложения не столько пробуждают в людях добрые намерения, сколько запускают механизм отмщения. Система доносов подрывает основы человечности, как следствие Лю Чжэньюнь поднимает на страницах романа проблему общения между людьми. Осмысливая вызовы цифровой эпохи и перспективы интернет-реальности, Лю Чжэньюнь рисует картину последствий моральной дезориентации соотечественников. Унаследовав литературную традицию, заложенную выдающимися китайскими литераторами XX в. и разви-

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

вая темы своего предшествующего творчества, писатель приходит к выводу о том, что новые технологии усугубляют пороки национального характера, которые при наличии вездесущей виртуальной толпы провоцируют стадное мышление.

Ключевые слова: Лю Чжэньюнь, *Дети стадной эпохи*, национальный характер, китайская литература.

Новым фактором развития современного человеческого общества стало то, что к XXI в. людям удалось создать Всемирную паутину, которая объединила практически всех жителей нашей планеты. Говоря бытовым языком, все мы превратились в соседей одного огромного общежития. Интернет меняет наш стиль жизни, образ мыслей, отношения с окружающими, на что не может не реагировать литература, видящая в этом новые вызовы для существования человечества. Китай — одна из передовых стран по внедрению цифровых технологий и интернета в повседневную жизнь, поэтому неудивительно, что китайские писатели становятся одними из первых, кто осмысливает последствия и перспективы интернет-реальности не только в жанре научной фантастики, но и во вполне реалистической литературе.

Любопытный взгляд на проблему так называемого общежития в условиях информационно-эпохи предлагает новый роман современного китайского писателя Лю Чжэньюня (р. 1958) «Дети стадной эпохи» (2017). Начав свой творческий путь в 1979 г. и проникнувшись царившим в то время в литературе духом экспериментаторства, Лю Чжэньюнь постоянно совершенствовал свое мастерство, пробуя себя в разных направлениях. Первый этап его творчества был представлен неореалистической прозой, второй — историческими романами. Наконец, широкую известность ему принесли трагикомические романы последних лет, среди которых «Мобильник» (2003), «Меня зовут «Лю Юэцзинь» (2008), «Одно слово стоит тысячи» (2009), «Я не Пань Цзиньянь» (2012). Благодаря дерзости и открытости всему новому, Лю Чжэньюнь прочно занял свое место в современном литературном процессе, выработав неповторимый стиль, через который демонстрирует абсурд повседневной жизни.

Последний роман Лю Чжэньюня «Дети стадной эпохи» был опубликован огромным даже по китайским меркам первым тиражом в 900 000 экземпляров. Возвращаясь к реакции писателя на вызовы новой эпохи, отметим, что Лю Чжэньюнь уже отражал изнаночную сторону прогресса в романе «Мобильник». Как отмечает в рецензии на этот роман С. В. Сиротин, «с приходом и развитием мобильных технологий человек утратил возможность закрыть свою жизнь от посторонних... Лю Чжэньюнь жалеет... всех нас, видя, как достижения прогресса превращаются из наших помощников в наших поработителей. Все это укладывается в парадигму реалистического видения мира, чего Лю Чжэньюнь и не скрывает — он всегда в своих книгах стремился постичь путь Китая» [1]. Принимая во внимание общечеловеческий характер затрагиваемых писателем проблем, представляется весьма значимым изучить темы и образы романа «Дети стадной эпохи», который, с одной стороны, является попыткой осмысления писателем межличностных отношений и человеческого бытия в новой реальности, а с другой — следует традиции духовных поисков в китайской и мировой литературе.

Одним из важнейших достижений в развитии человечества стало обретение умения общаться, используя словесный язык. Современный историк Юваль Ной

Харари в известной книге «Краткая история человечества» (2011) справедливо полагает, что «уникальный язык человека развился как средство передавать информацию об окружающем мире», в то же время он приводит одну из любопытных теорий о том, что язык «родился из любви посплетничать... Мы выживаем и размножаемся благодаря постоянному взаимодействию. Людям недостаточно знать, где бегают львы и бизоны, им гораздо важнее выяснить, кто в племени кого ненавидит, кто с кем спит, кто надежен, а на кого положиться нельзя» [2, с. 21]. На первый взгляд, это звучит забавно, но, как сообщает автор, «теорию сплетен поддерживают многочисленные исследования» (см. подробнее: [2, с. 21]). Как бы далеко ни ушел человек в своем развитии от своих предков, потребность в сплетнях в его природе, похоже, укоренилась. В этом смысле роман «Дети стадной эпохи» рисует яркую картину современного китайского общества, члены которого, независимо от социального статуса, заняты тем, что непрестанно наблюдают за себе подобными и перемывают друг другу кости.

С проникновением в нашу жизнь интернета человечество не испытывает недостатка в занимательных сюжетах, массам стали доступны самые разнообразные зрелища. Лю Чжэньюнь в одном из своих интервью замечает, что это «лучшая эпоха для зрелищ и пересудов» и тут же добавляет, что «как бы кому-то ни было плохо, толпа ротозеев всегда беснуется и ликует от радости <...> Когда чирей не беспокоит? Когда он находится на теле другого», — шутит писатель [3]. Как и раньше, Лю Чжэньюнь не отделяет себя от своих героев, вот и на этот раз он относит себя к таким же «ротозеям». Примечательно, что оригинальное китайское название романа «吃瓜时代的儿女们» можно перевести как «Дети эпохи ротозейства», при этом совершенно очевидно, что взгляд китайского читателя притягивает именно модное слово «ротозейство» (吃瓜 чи гуа), которое в последние годы имеет широкое хождение среди интернет-пользователей Китая. Дословно выражение «чи гуа» означает «есть арбуз», в то время как его иносказательное значение связано либо с толпой глазеющих обывателей на шумиху, либо с авторами так называемых «комментов», обсуждающих горячие темы на различных интернет-платформах. Таким образом, любители ажиотажа либо молча наблюдают за реакцией других, либо занимаются праздной болтовней. Попутно заметим, что в июле 2017 г. Министерство образования Китая совместно с Государственным комитетом по языковой политике и реформе опубликовало «Доклад о состоянии китайского языка», в котором данное выражение вошло в десятку новых знаковых слов за 2016 г. в медиасфере и в интернете [4]. Сам Лю Чжэньюнь как человек творческий предлагает следующую трактовку данного понятия: «Пища во рту — сладость на сердце» (吃在嘴里, 甜在心里) [3]. Иначе выражаясь, «пока пережевываешь, испытываешь душевное удовольствие». Как тут не вспомнить известное выражение «хлеба и зрелищ», которое родилось еще во времена Древнего Рима и остается актуальным по сей день? Не это ли служит очередным доказательством того, что людская природа во все времена одинакова? Интересно отметить весьма оригинальную и символичную форму презентации романа «Дети стадной эпохи» в Китае. Новую книгу Лю Чжэньюнь представил читателям 1 ноября 2017 г. не где-нибудь, а на бахче в Дасине — пригороде Пекина [5]. Но автор не так прост, как кажется. Помня о том, что он является мастером абсурда, читателю, пожалуй, стоит задаться вопросами: что именно служит людям хлебом/арбузом в информационный век свободного доступа к личной жизни

ни друг друга? Нет ли здесь каких-то более глубоких аналогий с саморазрушением личности? Не поедают ли люди, затянутые мировой паутиной, самих себя? Наконец, не несет ли в себе название романа символического значения «людоедства», о котором соотечественников еще в начале XX в. предупреждал «совесть китайской нации» Лу Синь? Ниже мы попробуем разобраться и в этих вопросах.

Осмыслив авторскую идею, отметим, что при переводе названия романа на русский язык нам пришлось отказаться от использования слов «есть арбуз», «ротозейство» и «ротозеи», значения которых для русского читателя, к сожалению, не несут той смысловой нагрузки, которую видит в них читатель китайский. Словарь Ожегова трактует «ротозейство» как крайнюю невнимательность и беспечность, а «ротозеев» как беспечных людей или зевак, т. е. бездельников. Поэтому, принимая во внимание общее содержание романа, главным героем которого видится обезличенная толпа, а темы и образы так или иначе порождены такой чертой, как стадность, мы посчитали целесообразным предложить русскоязычному читателю название «Дети стадной эпохи».

По композиции роман «Дети стадной эпохи», словно брат-близнец, напоминает предыдущий роман Лю Чжэньюня «Я не Пань Цзиньянь» (2012). Оба произведения состоят из трех частей, две из которых являются предисловием к третьей основной части. Важную роль в обеих книгах играют приложения, помещенные между первой и второй частями. Стоит отметить, что и по идейному замыслу новый роман, написанный через пять лет после романа-бестселлера «Я не Пань Цзиньянь», является его продолжением. Как отмечает китайский редактор романа «Дети стадной эпохи», «то, что писатель хотел, но не осмелился высказать в романе “Я не Пань Цзиньянь”, он смело высказал в своем новом произведении» [3].

Итак, в романе «Дети стадной эпохи» зримо вырисовываются четыре главных героя. Однако повторимся, что незримым и собственно главным героем произведения, по замыслу писателя, является досужий наблюдатель, т. е. современный читатель, который в информационную эпоху принимает зачастую случайное, но самое непосредственное участие в создании историй, подобных той, которая ниточка за ниточкой связала главных героев нового романа. В этой связи стоит отметить смыслообразующую роль двух приложений, включенных в состав романа, ведь именно в них на авансцену автором выводятся обозначенные в заглавии «дети», которых породила не столько новая информационная эпоха, сколько укоренившаяся в природе людей страсть к зрелищам и сплетням. Нельзя не согласиться, что благодаря интернету у безликой толпы, которая теперь стала вездесущей и оперативной, появилась возможность производить социальную детонацию ядерной силы. Как отмечает китайский ученый Лю Бо, «важна не сама по себе история, а то, как к ней относятся совершенно посторонние люди» [6, с. 39]. Пока наблюдатель из толпы упивается смакованием очередного инцидента и пережевывает кости его участникам, он не понимает, что сам лишь по счастливой случайности оказался в стороне от похожего скандала. Ведь в мире существует бесконечное число возможностей и вариантов оказаться в определенном месте в определенное время, чтобы запустить механизм абсурдных совпадений (см. подробнее: [6, с. 39]). Судьбы героев романа — яркое тому подтверждение. Но ничего не изменилось, толпа беснуется и хохочет, как и сто лет тому назад: «Толпа людей с оскаленными клыками громко хохотала» [7, с. 13]. Лусиневский гротеск не только не умер, но возродился в но-

вой изощренной форме, опасность которой состоит в том, что люди совершенно не осознают своего людоедства.

Сюжет романа выстраивается вокруг четырех совершенно не знакомых друг другу людей: это обычная деревенская жительница Ню Сяоли, заместитель губернатора провинции Ли Аньбан, начальник уездного дорожного управления Ян Кайто и заместитель начальника управления охраны окружающей среды Ма Чжунчэн. Как говорит сам Лю Чжэньюнь, эти четверо «живут в разных уездах, городах и даже провинциях, относятся к разным социальным слоям, и тем не менее между ними возникает очень смешная и в то же время опасная для их жизни связь» [5]. Публичное разоблачение неблаговидных поступков и тайн героев начинается с того, что в интернете в новостных лентах появляется ряд трагических кадров с места обрушения моста. Сначала некто из интернет-зевак обращает внимание на улыбающееся лицо начальника уездного дорожного управления Ян Кайто. Дальше — больше: возмущенная «дурацкой улыбкой» чиновника толпа интернет-наблюдателей начинает собирать на него компромат. В результате в смертоносную воронку, кроме Ян Кайто, случайно попадает целый ряд важных персон. Чуть позже выясняется, что все они, включая чиновника высшего ранга Ли Аньбана, переспали с Ню Сяоли, которая для возврата семейных долгов решила несколько раз подработать проституткой. Чиновник Ма Чжунчэн появляется лишь в третьей части романа через год после обозначенных событий, когда все виновники уже наказаны. Но очередной социальный абсурд, на которые так богата проза Лю Чжэньюня, связывает его с обозначенной выше троицей, поскольку ему «посчастливилось» получить интимные услуги уже от супруги Ли Аньбана, которая вынуждена торговать собой, пока ее муж отбывает срок в тюрьме.

Говоря об абсурде в романах Лю Чжэньюня, нельзя не вспомнить его хэнаньского земляка Янь Лянькэ, который также приобрел славу «мастера реализма абсурда». Однако абсурдная форма реальности у Янь Лянькэ является в большей степени атакой на реальность и выражается в протесте против нее. Известно, что «некоторые произведения писателя в свое время были даже запрещены к публикации в КНР. Сам писатель и сейчас избегает слова “абсурд” и называет свое творчество “сверхъестественным реализмом”» [8, с. 21]. Лю Чжэньюнь, напротив, в своих романах достаточно часто употребляет слово «абсурд». К публикации его романы пока не запрещены, более того, после появления скандального романа «Я не Пань Цзиньянь», последний в некоторых провинциях рекомендовали к обязательному прочтению всем партийным чиновникам, что, на наш взгляд, также является проявлением абсурда.

Таким образом, в романе представлены четыре отдельные увлекательные истории, которые из-за разного рода случайностей связываются воедино. Примечателен в этой связи эпиграф к роману: «Ничего случайного в жизни не случается». В большой случайности присутствуют малые, что и порождает абсурд. Лю Чжэньюнь и прежде при построении сюжета произведений первостепенную роль отводил случайностям. Всякий раз он наглядно демонстрирует, как «обстоятельства влияют на людей, что такое авантюра, удача, стечение событий и как они меняют человека» [9].

На наш взгляд, основополагающая тема романа «Дети стадной эпохи» — национальный характер китайцев. Лю Чжэньюнь не первый писатель, чье творчество

питается наблюдением за соотечественниками в разных жизненных ситуациях и который видит в поведении отдельных людей общие черты, характеризующие весь народ. Признанные мастера, блестяще осветившие в своих произведениях проблему национального характера китайцев, — родоначальник современной китайской литературы Лу Синь (1881–1936), а также его младшие современники Лао Шэ (1899–1966), Линь Юйтан (1895–1976), Шэнь Цунвэнь (1902–1988) и др. Данная тема особенно явно отразилась в их творчестве 1920–1930-х годов, став откликом на исторические события того времени. Столкновение Китая с иностранцами и чужеродной культурой позволило китайцам увидеть и оценить себя со стороны, и надо сказать, что увиденное произвело не самое лучшее впечатление на мыслящую интеллигенцию той эпохи. Как отмечает в своей монографии А. А. Родионов, значительная часть произведений упомянутых выше писателей «посвящена описанию консерватизма, невежества, фатализма, суеверности, корыстности, взаимного недоверия, отсутствия патриотизма, удовлетворенности малым и ряду других отрицательных черт психологии обывателей» [10, с. 113].

Примечательно, что в рецензиях Е. А. Завидовской и С. В. Сиротина на романы Лю Чжэньюня отмечаются, по сути, те же самые черты китайцев. Так, Е. А. Завидовская в своей рецензии на роман «Я не Пань Цзиньлянь» пишет: «Отношения между людьми независимо от их статуса пропитаны взаимным недоверием... стремлением использовать друг друга в корыстных интересах, желанием нажать... Надо признать, что в своих сатирических произведениях Лю Чжэньюнь высвечивает непривлекательные черты соотечественников» [11]. Подобную картину китайского социума исследовательница замечает и в романе Лю Чжэньюня «Меня зовут Лю Юэцин»», характеризуя его как «беспощадную сатиру в отношении описываемой им действительности» [9]. Не найдя ни одного антипода толпе, пораженной всевозможными социальными болезнями, исследовательница делает предположение, что «автор либо подчинился законам жанра сатиры, либо его в момент создания романа накрыл черный пессимизм по поводу того, каким путем идет его страна... перед читателем мелькает калейдоскоп лиц из самых разных социальных прослоек, которые работают, зарабатывают, грабят и выживают в столичном мегаполисе... На волне (экономического. — О. Р.) роста все как помешанные ищут способы пристроиться к деньгам, урвать и надуть ближнего. Надо признать, что Лю Чжэньюнь очень едко и беспощадно высказывается о современном ему обществе» [9]. Наконец, приведем мнение С. В. Сиротина, высказанное в его рецензии на роман Лю Чжэньюня «Одно слово стоит тысячи»: «Все пытаются использовать ближнего. Люди очень мстительны. Их легко уговорить на какую-нибудь пакость... Каждый ищет личную выгоду для себя... В ходу обман и подлог. Единства среди народа нет, зато есть желание подставить соседа и получить выгоду. Конечно, есть в книге моменты искренности и просветления, но они тонут в общем мраке» [12]. Как тут не вспомнить лусиневский возглас «Спасите детей!», которым заканчивается его рассказ «Записки сумасшедшего» (1918), бичующий людоедские нравы китайцев? Если рассматривать царящую в романах Лю Чжэньюня атмосферу с этих позиций, то оказывается, что потомки не оправдали надежд Лу Синя. Эпоха интернета, который на почве китайского национального характера дал ядовитые плоды, подтолкнула «детей» к самоуничтожению, ничего не подозревая, они ежедневно и с удовольствием «пожирают арбузы».

В романе «Дети стадной эпохи» Лю Чжэньюнь продолжает высмеивать пороки своих современников. Как уже отмечалось, отличительной чертой нового произведения стало наличие в нем незримой, но вездесущей толпы интернет-зевак. В связи с этим вспоминается творчество писателей — классиков XX в., которые очень часто изображали портрет китайского общества именно через яркие образы толпы. Например, у Лао Шэ в романе «Философия Чжана» (1926) «непременным элементом описания любого шумного уличного события, будь то свадьба, похороны, ссора, драка или казнь, становится жаждущая увеселений толпа. Для толпы эти события не более чем способ поглазеть и разогнать скуку, при этом она остается совершенно равнодушной к сути происходящего... Состав толпы неоднороден, она вбирает в себя представителей разных возрастов и профессий, но, попав в толпу, все ведут себя одинаково» [10, с. 120]. Как отмечает А. А. Родионов, «изображение толпы всегда носит у Лао Шэ негативную окраску... У персонажей, попадающих в обезличенную массу, ослабевают нравственные регуляторы, происходит подчинение личности внешней власти, утрачиваются духовные потребности и усиливаются низменные желания» [10, с. 123].

В романе «Дети стадной эпохи» тема ротозейства и жажды зрелищ выведена как одна из основных, и для ее реализации автор, так же как и Лао Шэ, использует образ толпы, с единственной разницей: теперь «она не присутствует на конкретном месте происшествия, она вездесуща» [3]. Впрочем, роль и функции толпы сохранились. Например, у Лао Шэ «при всем своем равнодушии толпа может играть в событиях активную роль, особенно если это спор или драка. Речь идет об исполнении ею функции арбитра, к которому обращаются конфликтующие стороны» [10, с. 120]. Богатый на скандальные инциденты виртуальный паноптикум, будь то интернет или распространенный в Китае Вичат, ломится от миллионов зрителей, многие из которых рады подлить масла в огонь. Как отмечает китайская исследовательница Фэн Мэй, «слова и речи интернет-зевак становятся настоящей движущей силой и играют стимулирующую роль в формировании общественного мнения» [13, с. 16]. В одном из своих интервью Лю Чжэньюнь следующим образом охарактеризовал поведение толпы: «Пока с тобой ничего не происходит, она молчит, но едва ты попадаешь в передрагу, как она в один миг начинает гнать бурную волну и даже может сыграть определяющую роль в твоей судьбе» [3]. Заметим, что сам Лю Чжэньюнь как человек публичный не понаслышке знаком с этим явлением, ему тоже доводилось попадать в эпицентр беснующейся интернет-толпы. Вспомним хотя бы скандал 2018 г. по поводу экранизации продолжения к фильму «Мобильник» режиссером Фэн Сяоганом, в результате которого Лю Чжэньюнь как автор сценария удостоился титула «Отброса»¹.

Жажда дешевых сенсаций всегда подразумевает стадность и, словно лакмусовая бумажка, демонстрирует в романе пороки самих ротозеев. К примеру, три слога имени проститутки, благодаря которой сразу двенадцать спавших с ней чиновников лишились своих должностей, «завоевали весь Интернет и спустя три дня после публикации затмили новость о пекинском форуме с участием тридцати с лишним глав государств» [14, с. 289]. Чем несуразнее сенсация, тем она притягательнее для толпы. В подтверждение этому приведем такие строки из романа: «В тот день

¹ Китайский писатель Лю Чжэньюнь. URL: <https://vk.com/club99898935> (дата обращения: 09.03.2019).

какой-то папарацци выложил в сеть скандальное фото из частной жизни популярной в Китае звезды. И хотя к подобным скандалам все давно привыкли, в данном случае звезда изменила не с кем-то, а с транссексуалом из Таиланда, поэтому такая новость вмиг попала на первые страницы всех крупных китайских сайтов» [14, с. 293]. Приведем еще одну цитату, которая полна авторской иронии относительно человеческих пороков: «...некоторые гости приходили в закусочную не только ради супа с бараньими потрошками, но еще и для того, чтобы поглазеть на брата и сестру. Однако глазеть можно по-разному: если, глядя на Нью Сяоли, люди отмечали ее стойкость, то глядя на Нью Сяоши, они отмечали, какой он размазня. И надо сказать, что зевак больше привлекала никчемность Нью Сяоши. Поэтому тех, кто под предлогом перекусить приходил, чтобы поглазеть на Нью Сяоши, было гораздо больше тех, кто приходил сюда поглазеть на Нью Сяоли» [14, с. 258].

Анализируя тему ротозейства, целесообразно отметить наличие в публичных сценах двух сторон: наблюдателей и тех, за кем наблюдает толпа. При этом последние — это не всегда жертвы, иногда люди намеренно разыгрывают спектакль перед зрителями, используя их в своих целях. Этим активно пользуются так называемые «обиженные», жаждущие справедливости. В этой связи достаточно вспомнить целую армию жалобщиков, которые сидят по всему Китаю в людных местах с картонками, на которых изложена суть их жалоб. В творчестве Лю Чжэньюня ярким примером такой жалобщицы является Ли Сюэлянь, главная героиня романа «Я не Пань Цзиньянь». В романе «Дети стадной эпохи» также присутствуют театрализованные спектакли для толпы. Например, в приложении 2 приводится интервью сбежавшего в США крупного китайского бизнесмена одной из американских радиостанций. После его выступления в интернете появилось множество комментариев, среди которых прозвучало высказывание о том, что выступление бизнесмена «было не столько фарсом... сколько жаждой самосохранения: ведь именно потому, что он... владел достоверной информацией о многих чиновниках, его безопасность была под угрозой. Заявляя о себе, он вроде как давал понять, что пока еще жив, чтобы в случае исчезновения сразу привлечь к себе внимание. Ему казалось, что чем громче он заявит о себе, тем больше себя обезопасит» [14, с. 292–293]. Мы согласимся с Лю Бо, который в рецензии на новый роман Лю Чжэньюня, отмечает, что «это история, в которой одновременно сосуществуют наблюдатели и наблюдаемые, обманщики и обманутые, мстители и их жертвы» [6, с. 39].

Другие черты персонажей романа «Дети стадной эпохи», связанные с национальными особенностями психологии китайцев, — это жажда выгоды, расчетливость, меркантильность, обман, мошенничество. И снова хочется вспомнить Лао Шэ, бичевавшего подобные пороки соотечественников еще в начале XX в. В его романе «Биография Нью Тяньцы» устами главного героя делается открытие: «Деньги — это все, вся культура основана на них, а жизнь — это всеобщее притворство, махинации и надувательство» (цит. по: [10, с. 113]). Что касается образов Лю Чжэньюня, несущих в себе перечисленные выше черты, то особо хочется отметить, что писатель не щадит никого и наделяет ими героев из всех слоев общества, говоря тем самым, что пороками заражены практически все жители Поднебесной. В его произведениях мы не найдем четких границ между положительными и отрицательными персонажами, что является отличительной чертой его творчества. Для сравнения отметим, что китайская литература 1950-х годов, напротив, демонстри-

ровала четкое разделение двух противоположных лагерей героев. Так, А. А. Никитина отмечает, что описания положительных и отрицательных героев в литературе указанного периода «никогда не пересекаются, по ним можно судить, о персонаже из какого лагеря идет речь. Если встречается исключение из общего правила, то читатель склонен заподозрить что-то неладное, сбой в системе» [15, с. 62].

Все герои романа «Дети стадной эпохи», касаясь ли это ежедневных бытовых ситуаций или редких судьбоносных моментов, руководствуются получением выгоды. При этом для Лю Чжэньюня очень характерно насыщать такие сцены фирменным юмором и иронией. Достаточно вспомнить, как семья чиновника средней руки выбирала себе тур для путешествия. Перебрав все варианты, семья Ма Чжунчэна выбрала совершенно новый курорт, потому как «желающим съездить туда туристам предоставлялось множество скидок, из-за чего он стал пользоваться большой популярностью» [14, с. 297]. Прибыв на курорт, семейство начинает отрываться на полную катушку, чтобы прочувствовать всю прелесть скидок и выгодных предложений. К примеру, «Ма Чжунчэн, будучи гипертоником, кататься на американских горках не собирался, но так как семейный билет включал посещение всех аттракционов, то не прокатиться было бы себе в убыток, поэтому, поддавшись уговорам сына и дочери, Ма Чжунчэн все-таки взял и с закрытыми глазами прокатился» [14, с. 298]. Далее за обедом между супругами состоялся диалог, который как нельзя лучше отражает практичность и меркантильность китайцев:

«Очищая раков, жена Ма Чжунчэна сказала:

— Не такой уж этот курорт хороший, как его расписывают, все сделано как-то топорно.

— Пусть и топорно, но то, что здесь всюду скидки, это правда, — ответил на это Ма Чжунчэн» [14, с. 298].

В конце романа этот же Ма Чжунчэн тайком ото всех посещает массажный салон, где его обслужила, как выяснилось позже, ставшая проституткой жена крупного чиновника Ли Аньбана, отбывавшего к тому времени тюремный срок. Вот как описывает писатель реакцию Ма Чжунчэна, которого, кстати сказать, тоже обманули: поскольку массажный салон был в сговоре с местными дружинниками, его задержали на месте преступления и шантажом заставили раскошелиться на кругленькую сумму. «Понимая, что в обычной жизни он вряд ли пересекся бы с таким высоким чиновником, как Ли Аньбан, отыгравший его жену Ма Чжунчэн чувствовал себя вполне удовлетворенным. Знай он раньше о том, что она — жена Ли Аньбана, ради двойной выгоды воспользовался бы не только ее ртом» [14, с. 315–316].

Попутно согласимся с Юй Мэнлинь, которая в рецензии на роман Лю Чжэньюня отмечает, что в описанном выше поведении Ма Чжунчэна высвечивается такая характерная для китайцев черта, как «утешение моральными победами», или «акьюизм» (см. подробнее: [16, с. 30–31]). Этот термин вошел в широкое употребление после публикации известной сатирической повести Лу Синя «Подлинная история Акью» (1921–1922), главный герой которой, крестьянин Акью, постоянно утешал себя «моральными победами» самообмана, что помогало ему забывать об обидах и всегда смотреть на мир через розовые очки. Точно такое же поведение демонстрирует Ма Чжунчэн: «Пока Ма Чжунчэн не знал, что развлекался с Кан Шупин, ему было обидно платить штраф в размере двух тысяч четырехсот юаней, но после того как он узнал, кто именно его ублажал, ему показалось, что за

такие деньги вполне стоило насладиться минетом от жены губернатора» [14, с. 314]. Акьюизм присущ и вечно обманутой Ню Сяоли, которая всякий раз придумывает себе утешения и упорно продолжает наступать на одни и те же грабли, искренне доверяясь очередным проходимцам.

Тема обмана в романе «Дети стадной эпохи» проявляет себя в полную силу. В нем изобилуют сцены, надувательства и мошенничества. В этой связи прежде всего хочется вспомнить Ню Сяоли. Изначально она предстает перед нами как простая бесхитростная сельская девушка. По словам Лю Бо, «ее слабость состоит в том, что она слишком легко верит людям» [6, с. 37]. Наивная и доверчивая, молоденькая Ню Сяоли сперва всех считает честными и добрыми, но на деле все окружающие, включая ее недавнего жениха, а ныне мужа, оказываются обманщиками. Ее мытарства в романе начинаются с того, что она сватает для своего брата жену, уплатив за нее выкуп в сто тысяч юаней. Новоиспеченная невестка по имени Сун Цайся оказывается аферисткой и через несколько дней сбегает. Поскольку на Ню Сяоли висит крупный денежный долг, она отправляется на поиски Сун Цайся. Мошеницу она так и не нашла, поскольку та перемещалась с места на места и подобным образом «выходила замуж» за других. Подобные аферы прекрасно описаны в книге современного писателя Юй Хуа «Десять слов про Китай» (2011) в главе «Мухлеж». Как отмечает автор, «у нас в обществе к мухлежу принято относиться снисходительно. Часто мухлеж играет роль рычага, позволяющего получить большую выгоду малыми средствами» [17, с. 209]. Постепенно мы наблюдаем, как к доверчивости Ню Сяоли примешиваются настороженность и сомнение, шаг за шагом героиня разочаровывается в людях, а заодно не в лучшую сторону меняется и сама, ведь как говорит тот же Юй Хуа, «сущность мухлежа отражена... и в китайской поговорке: “Наглый жрет, трусливый мрет”» [17, с. 210]. Но каждый раз, когда ей кажется, что она кого-то обхитрила, она всегда по молодости лет и по нехватке опыта на шаг отстает от более ушлых соотечественников. Отсутствие незыблемых нравственных регуляторов раз за разом уводит ее на кривую дорожку. Следующий отрывок наглядно демонстрирует, как мошенница, обнаружив в Ню Сяоли слабые места, подталкивает ее к решению стать проституткой: «Ощувив себя игрушкой в руках Су Шуан, Ню Сяоли снова хотела было вспылить, но Су Шуан уже успела положить ей на тумбочку пять тысяч, а это значило, что Ню Сяоли ни к чему не принуждали... За четыре потерянных дня ей заплатили пять тысяч юаней, так что в деньгах она ничего не потеряла. Чтобы получить такие деньги, Ню Сяоли пришлось бы больше двух месяцев вкалывать на швейной фабрике... Она постепенно успокоилась. Ей просто сделали предложение: да так да, нет так нет, никто ее ни к чему не принуждал. Ню Сяоли снова прониклась к Су Шуан симпатией» [14, с. 85–86]. Как видим, меркантильность и расчетливость вкупе с философией акьюизма побеждают.

Ниже приведем немного обескураживающий диалог об обмане, который ведут девушки, обсуждая, как именно притворяться девственницей. «Ню Сяоли спросила: “А это разве не обман?” “Если твой партнер догадается, тогда это будет обманом, а если нет, то он все примет за чистую монету и никакого обмана не будет, разве не так?” — ответила Су Шуан. Поразмыслив, Ню Сяоли нашла слова Су Шуан разумными» [14, с. 88]. Лю Чжэньюнь не жалеет красок, чтобы во всей полноте передать изобретательность китайцев в плане мухлежа. Достаточно вспомнить, как Ню Сяоли «возвращали» девственность: «Нужно было купить на рынке белобрюхого

угря, после чего его кровью пропитать морскую губку и перед тем, как заняться любовью, вставить эту губку себе куда следует» [14, с. 88]. Все взаимодействия героев романа построены на фальши и лжи. Интересно, что только иероглиф «пьянь» (騙), означающий обман, не считая других слов-синонимов, употребляется в оригинальном тексте семьдесят пять раз! В этой пронизанной обманом среде Ню Сяоли понемногу набирается опыта и без всякого зазрения совести уподобляется толпе. По мнению Лю Бо, этот роман «побуждает читателей обратить взор на себя, присмотреться к собственной жизни и провести необходимые сравнения» [6, с. 40].

Рисуя неприглядную действительность, в которой женщины вынуждены продавать себя, писатель устами одного из героев задается вопросом: «Неужели чтобы получать деньги нельзя заниматься чем-то другим?» [14, с. 313]. И тут же получает простой ответ от другого героя: «Можно. Можно за две тысячи в месяц устроиться мыть посуду в ресторан. Но...» [14, с. 313]. За этими «но» всплывают еще более неприглядные картины большого общества. Например, супруга посаженного в тюрьму Ли Аньбана выбрала легкие деньги, потому что теперь вынуждена навещать и попавшего в тюрьму мужа, и попавшего в колонию сына, при этом ей не только приходится тратиться на дорогу в разные города, но еще и «постоянно кого-нибудь подмазывать» [14, с. 314]. Напомним, что массажный салон, где работает Кан Шупин, находится в сговоре с дружинниками, которые по звонку работников салона устраивают оперативные рейды и затем попросту шантажируют пойманных на месте преступления клиентов. Именно так схватили и обобрали чиновника Ма Чжунчэна, который поражается, насколько всё в этом обществе доведено до абсурда. С. В. Сиротин в рецензии на роман «Я не Пань Цзиньянь» совершенно верно подметил, что Лю Чжэньюнь в своих романах описывает «социальный абсурд, который не тяготится интеллектуальными муками самосознания. Это мир, где каждый хочет найти свое место под солнцем и готов на все ради этого. Здесь царят подхалимство, кумовство, чиновничество, взяточничество, зависть, амбиции — в общем классические составляющие сатирического романа. Все, насколько это позволяет окружение, пытаются устроить себе место получше» [18]. В новом романе Лю Чжэньюнь продолжает показывать моральное разложение всех слоев китайского общества. Таким образом, мы можем говорить о том, что у Лю Чжэньюня, как и у Лао Шэ, проблема национального характера «проявляется в теме разрушительного воздействия современного китайского общества на личность человека» [10, с. 124]. У Лао Шэ яркое описание нравственной дезориентации общества содержится в повести «Моя жизнь» (1937), написанной от лица рядового полицейского, в глазах которого все происходящее вокруг выглядит не иначе, как абсурд. При этом заведомо понятно, что «основанное на таких абсурдных и несправедливых принципах общество сломит и раздавит любого, кто попытается добиться в нем чего-либо честным путем» [10, с. 126].

В романе Лю Чжэньюня «Дети стадной эпохи» можно выделить и такую проблему, как разложение народа и власти. С одной стороны, она раскрывается через темы, обозначенные выше при анализе проблемы национального характера, а с другой — через тему борьбы с коррупцией и роскошным образом жизни. Соответственно при раскрытии этой темы нельзя не рассмотреть образ чиновничества. Тут же оговоримся, что в новом романе писателя, как и в романе «Я не Пань Цзиньянь», чиновничество как социальная группа выходит на авансцену непременно

в окружении простого люда. Кроме того, его характерные черты проявляются во взаимодействии с нижестоящими по рангу, а также через ряд житейских сцен, которые добавляют образам чиновников живости, яркости и многогранности. Лю Чжэньюнь как-то заметил, что «если в романе о чиновниках писать непосредственно о чиновниках, то ничего хорошего не выйдет. Только если писать о чиновниках опосредованно, есть шанс проникнуть в их кулуары» [13, с. 16].

Писатель остается верен своей традиции давать чиновникам говорящие имена. Вспомним, что в романе «Я не Пань Цзиньянь» нам встречались Ван Гундао 王公道 (Ван Праведный), Дун Сяньфа 董宪法 (Дун Конституция), Сюнь Чжэнъи 荀正义 (Сюнь Справедливость), Ши Вэйминь 史为民 (Ши Для народа) и др. В новом романе трех главных героев-чиновников зовут Ли Аньбан 李安邦 (Ли Спокойная страна), Ян Кайто 杨开拓 (Ян Развитие) и Ма Чжунчэн 马忠诚 (Ма Преданность и искренность). Однако на деле оказывается, что перечисленные имена носят люди, растерявшие высокие ценности и идеалы. Как и в прежних романах Лю Чжэньюня, чиновники «употребляют весь свой ум не на службу народу, а на личные выгоды и приобретения, чему, однако, сопутствует лицемерие, проявляющееся в якобы денной и ночной заботе о простых людях» [18]. Этот тезис подтверждается многими примерами, возьмем хотя бы разговор двух чиновников, один из которых, почувяв легкие деньги, уговаривает другого встретиться с нужными людьми: «По правде говоря, совсем высоких чинов нет: один замначальника отдела и один начальник управления. Но они отвечают за реконструкцию аварийных школ, поэтому в их руках сосредоточены суммы в несколько миллиардов. Как говорится, мал золотник да дорог. Если вы с ними встретитесь, то количество аварийных школ в нашей провинции можно будет увеличить до нескольких сотен. Они одним росчерком пера могут выделить несколько десятков миллионов. Начальник Ли, ради детей нашей провинции...» [14, с. 172]. Не меньше авторской иронии проявляется и при описании ситуации с ранеными, попавшими в больницу после обрушения моста: «Ян Кайто кивнул и для начала направился в кабинет главврача. Он поставил ему на стол большую сумку, в которой лежало триста тысяч, и сказал: — Главврач Сунь, сейчас самое важное — спасти людей, не будем говорить о деньгах, сколько потребуется, столько мы и заплатим. И тут же добавил: — Только ни в коем случае не увеличивайте количество умерших» [14, с. 221]. Другим показательным примером служит помощь Ли Аньбана отцу своего бывшего друга. Понимая, что последний может сыграть решающую роль в его судьбе, Ли Аньбан готов забыть ему все обиды и помириться. Однако бывший друг быстро раскрывает его корыстные цели.

Если вернуться к образу чиновничества начала XX в. в описании Лао Шэ, то мы заметим точно такую же картину. Как отмечает А. А. Родионов, «вся пекинская культура со всеми ее ритуалами, обычаями и стереотипами... есть лишь ширма для алчных устремлений. Следование шаблонам таких псевдоэмоциональных отношений приводит к подмене истинных чувств, лишает способности отличать добро от зла, а в общественном масштабе выливается во всепроникающую коррупцию и неэффективность социальных институтов» [10, с. 106–107]. Спустя почти сто лет в рецензиях на романы Лю Чжэньюня мы наблюдаем подобные высказывания: «Чиновничеством движут одни и те же интересы — желание занять более высокий и влиятельный пост и страх перед любыми затруднениями, за которые может последовать выговор сверху и даже потеря должности» [11]. В то же время нельзя

не согласиться с китайским ученым Лю Бо, который говорит, что пороки любого чиновника есть отражение мира, который его породил, «человек, наделенный властью, не может принадлежать самому себе» [6, с. 38]. Лю Чжэньюнь мастерски описывает механизм, который порождает безудержную алчность чиновников. Взять, к примеру, того же Ли Аньбана, который вышел из низов: «По мере того как Ли Аньбан продвигался по карьерной лестнице от уездного чиновника до заместителя мэра, первого заместителя мэра, мэра, секретаря горкома, заместителя губернатора и первого заместителя губернатора, рос и уровень дарителей и их подарков» [14, с. 141]. Соответственно менялся образ жизни Ли Аньбана и его семьи. Интересно проследить, как писатель описывает метаморфозы, происходящие с супругой Ли Аньбана: «Раньше Кан Шупин нравилось экономить, но после того, как Ли Аньбан занял пост заместителя начальника уезда, необходимость экономить отпала. Им с лихвой хватало зарплаты Ли Аньбана, а вскоре у них и вовсе отпала необходимость ее тратить... Подношения делали не только села, в уездном центре находилось тридцать с лишним управлений и комитетов, которые также время от времени преподносили подарки в виде товаров повседневного спроса или каких-нибудь деликатесов. Как можно съесть и использовать все подарки, которые стекаются к тебе одному по нескольким десяткам каналов? Если раньше Ли Аньбан курил сигареты марки “Фэйма”, то теперь он сразу перешел на “Чжунхуа”. К такой жизни даже Ли Аньбан не привык, что уж говорить о Кан Шупин! Поскольку ей больше не приходилось экономить, она это делать перестала. Свою прежнюю привычку она сменила на другую, и теперь все, что они не съедали и не использовали, Кан Шупин несла в лавку на перекрестке и просила продать, чтобы выручить за это деньги» [14, с. 139–140]. Дальше — больше: «Оставив Ли Аньбана в стороне, теперь она... вершила дела у него за спиной. Когда Ли Аньбан занимал пост руководителя городского уровня, все, кто общался с Кан Шупин и называл ее “сестрицей”, были либо начальниками уездов, либо секретарями уездных парткомов, либо начальниками городских компаний. Когда же Ли Аньбан занял пост заместителя губернатора, с Кан Шупин стали общаться и называть “сестрицей” мэры городов, секретари горкомов или директора крупных компаний административного центра. Все эти люди приносили Кан Шупин какую-нибудь пользу: кто-то дарил подарки, кто-то — ценные бумаги, кто-то просто вручал деньги, а Кан Шупин от имени Ли Аньбана улаживала их дела» [14, с. 141–142]. Таким образом, попадая в элитную среду, герои Лю Чжэньюня вступают в игру, правила которой складывались веками. Вспомним комичную сцену с якобы обокраденной женщиной, которая собирает вокруг себя толпу зевак. В какой-то момент к ней подходят оказавшиеся поблизости чиновники, им подворачивается удобный случай прилюдно продемонстрировать свою заботу об обиженной, но их благие намерения натываются на неожиданные препоны: кошелек Ли Аньбана оказался пуст. Писатель невзначай замечает про чиновников: «Поскольку в обычной жизни тратиться им приходилось редко, то в их карманах много денег не водилось. Тут уже и мэр, и секретарь уездного парткома, и начальник уезда тоже полезли по своим карманам. В итоге впятером они насобирали две тысячи, и Ли Аньбан передал эти деньги рыдающей женщине» [14, с. 120].

Однако, анализируя романы Лю Чжэньюня, важно помнить, что не только чиновники подвержены разложению и порокам. Например, когда упомянутая выше женщина получила деньги и убежала, кто-то высказывает предположение, что,

скорее всего, им попалась обычная мошенница. Так или иначе, в текстах Лю Чжэньюня сложно найти отрицательных и положительных персонажей в чистом виде. Поднимая проблему разложения, он дает понять, что проблема эта комплексная, уходящая вглубь китайской истории. В романе, говоря о разложении, один из героев замечает, что оно «издревле укоренилось в Китае, но почему-то обвиняют в нем только чиновников, будто все остальные чисты» [14, с. 292]. Между тем некоторые китайские ученые, в частности Юй Мэнлинь и Фэн Мэй, отмечают, что симпатии Лю Чжэньюня все-таки находятся на стороне простого народа, они даже выделяют так называемую тему поиска. В этой связи исследовательницы сравнивают героинь двух его последних романов — Ли Сюэянь и Ню Сяоли, которые, находясь в самом низу властной пирамиды, попадают в эпицентр чиновничьих кругов и переворачивают их жизнь с ног на голову. По словам Фэн Мэй, писатель привлекает наше внимание к тому, что народ «ищет, но не получает желаемого» [13, с. 16]. Юй Мэйлинь также указывает на бесплодность поисков одураченных героинь. Упрямые и непокорные, они пытаются добиться правды и справедливости, но за их мытарствами обнажается трагедия жизни низших слоев общества (см. подробнее: [16, с. 32]).

Вместе с тем нельзя не признать и тот факт, что, раскрывая тему борьбы с коррупцией и роскошным образом жизни, писатель отражает происходящий в современном Китае процесс перерождения власти. Наглядной иллюстрацией этого может служить следующий отрывок из романа: «В первое время, когда Ли Аньбан заступил на пост первого заместителя губернатора и был не прочь шикануть, он каждый день присоединялся к банкетам, проходившим сплошь в первоклассных отелях. Но, возможно из-за своего деревенского происхождения, Ли Аньбан никак не мог привыкнуть к этим роскошным пирам, обходившимся за раз в несколько десятков тысяч юаней. Все эти статусные блюда типа морских гребешков, акулих плавников, ласточкиных гнезд, трепангов, гуидаков и тому подобного казались Ли Аньбану какими-то вонючими, и всякий раз он ограничивался лишь несколькими кусочками. Кроме того, он считал настоящим преступлением тратить на один прием пищи десятки тысяч, на которые крестьянская семья трудяг могла жить целый год. Он привык ходить в закусочные типа “Народного ресторанчика тетушки Сюэ”, предназначенные для широких масс, где покушать было одно удовольствие. В таких заведениях стол на двоих обходился всего в сорок-пятьдесят юаней, там подавали и жареные овощи, и свинину, не жалели приправ..., что, разумеется, тоже было на любителя, но родившемуся в деревне Ли Аньбану именно такой вкус и был по душе. В последние несколько лет ЦК утвердил так называемые “восемь правил”, в соответствии с которыми чиновникам запрещалось излишнее чревоугодие, что стало для Ли Аньбана настоящим освобождением» [14, с. 148–149]. Подобных примеров, отражающих новые социально-политические веяния, в тексте романа достаточно. Приведем еще несколько: «Так как это был деловой визит, спиртного за обедом не было, поэтому Ли Аньбан произнес несколько тостов, поднимая чашку с чаем» [14, с. 172]; «Машина постепенно приближалась, и вскоре можно было увидеть, что это роскошный “Мерседес”. Чиновнику уровня Ли Аньбана по протоколу полагалось ездить только на “Ауди”, так что наверняка в этом “Мерседесе” ехал обычный толстосум» [14, с. 114]; «Последние несколько лет ЦК боролся с разложением, пропагандировал честность и арестовал немало людей, поэтому Ян Кайто стал игнорировать просьбы друзей и родственников. Теперь, если кто-то просил

у него подряд, он отвечал: «Вы тоже хотите отправить меня за решетку?» Такой прямой вопрос был исчерпывающим, чтобы закрыть эту тему» [14, с. 210].

Напомним, что впервые термин «коррупция» прозвучал в политическом лексиконе КНР в 1995 г. из уст генсека ЦК КПК Цзян Цзэминя, который заявил, что «коррупция — вопрос жизни и смерти для партии... Мы решительно не позволим партии стать убежищем коррумпированных элементов» (цит. по: [19, с. 207]). С тех пор в КНР то и дело проводится ряд серьезных кампаний, в результате которых выявляется внушительное число коррупционных дел, за которые несут наказание как коррумпированная, так и коррумпирующая стороны. Как отмечает О. Ю. Адамс, в 2013 г. (с приходом к власти Си Цзиньпина. — *О. Р.*) в Китае «была выдвинута новая концепция борьбы с коррупцией на период до 2017 г. Впервые обществу отведена роль равноправного партнера: первостепенное значение придается повышению гражданской сознательности и нетерпимости к коррупции и разложению... В 2014 г. судами всех уровней было рассмотрено 31 тыс. дел о коррупции и взяточничестве, наказания вынесены 44 тыс. человек» [19, с. 213].

В романе «Дети стадной эпохи» такие политические перемены отражаются в подробном описании работы так называемых дисциплинарных комиссий, которые проводят антикоррупционные расследования. Как отмечает С. Н. Жилкибаев, «устав КПК определяет полномочия комиссий скорее как этические, чем правоохранные» [20, с. 507]. Как бы то ни было, в случае подозрений дисциплинарные комиссии «наделены полномочиями требовать от соответствующих лиц явиться в указанное место в указанное время и объяснить все обстоятельства дела» [20, с. 508]. У чиновников романа «Дети стадной эпохи» такое «двойное указание» вызывает неподдельный страх. Приведем конкретный пример: «Если к кому-то из чиновников применяли “двойное указание”, то ни один из них уже не мог выйти чистым из воды. Все они признавали многочисленные факты своего разложения и коррупции. Пока комиссия проверяла какого-нибудь чиновника, она оставалась в тени, действуя незаметно и неспешно... Но, когда необходимые доказательства были собраны и созрел подходящий момент, сотрудники комиссии неожиданно нападали. Зачастую случалось так, что только вчера какого-нибудь чиновника показывали по телевизору, а уже на следующий день он вдруг пропадал без вести, а потом на сайте дисциплинарной комиссии публиковалась заметка, что к этому чиновнику применили “двойное указание”... Многие чиновники еще на этапе, когда их усаживали в машину, чтобы отвезти на допрос, не успев добраться до места, выкладывали все случаи собственного разложения и коррупции за несколько десятков лет. С их языков только и успевали слетать имена сообщников и тех, кто давал им взятки» [14, с. 176–177].

В современном китайском обществе приветствуется подавать в дисциплинарные комиссии информацию о морально-этическом разложении своих ближних. Как пишет в своей статье С. Н. Жилкибаев, «этим правом активно пользуются различные социальные группы: от простых граждан, пострадавших от разложившихся чиновников, и равнодушных активистов гражданского общества Китая до бывших любовниц и обиженных госслужащих... Активные блогеры социальных сетей (например, Weibo, WeChat) публикуют в большом количестве разоблачительные фото- и видеоматериалы на местных чиновников и их близких... В случае виновности лица вердикты выносятся на публику посредством необычного меха-

низма — объявлением об исключении из партии в СМИ» [20, с. 508–509]. Такая ситуация, естественно, способствует процветанию доносов, которые по большей части превращаются в методы внутренней политической борьбы либо личного возмездия. Приведем диалог задержанного дисциплинарной комиссией чиновника Ян Кайто с ее сотрудником:

«— Когда произошла авария и погибли люди, кто-то явно хотел сделать из меня козла отпущения! — злобно сказал Ян Кайто и крикнул: — Я, видите ли, взятки брал, а то я не знаю, что сами они, твою мать, сплошь продажные шкуры!»

На это сотрудник отвечает:

«— Если у вас есть доказательства, вы тоже можете донести на них в дисциплинарную комиссию» [14, с. 248].

Последствия такой политики, увы, лишь усугубляют пороки людей. Лю Чжэньюнь рисует убедительную картину больного общества, в котором каждый собирает друг на друга компромат: «В начале года, когда в управлении освободилось место заместителя начальника, организация превратилась в кипящий котел. Все начальники жаловались друг на друга и даже писали доносы под своими именами. С начала года и до настоящего момента сотрудники дисциплинарной комиссии обосновались в их управлении как у себя дома. Едва они успевали прояснить одно дело..., как тут же поступал новый донос, и сотрудники комиссии приезжали снова. Именно потому, что совершенно чистых задниц ни у кого не было, дерьмо выходило наружу сразу, как кто-нибудь на кого-нибудь доносил» [14, с. 296–297]. Политика поощрения доносов граждан друг на друга вкупе с безграничными возможностями информационной эпохи лишь усугубляет изъяны общества. При этом важно отметить, что, поднимая в романе проблему вызовов информационной эпохи, Лю Чжэньюнь делает особый акцент на таких темах, как человеческое общение в эпоху прогресса и отсутствие взаимного доверия. Напомним, что у Лю Чжэньюня обозначенные темы впервые прозвучали в романе «Мобильник» (2003), чуть позже тема общения и одиночества ярко проявилась в романе «Одно слово стоит тысячи» (2009). Наконец, в последнем романе мы можем наблюдать развитие этих тем в социально-политическом контексте.

Читая роман «Дети стадной эпохи», мы осознаем, что призывы руководства к бдительности и разоблачению друг друга — палка о двух концах и благая цель искоренить явления морального разложения не столько пробуждает в людях добрые намерения, сколько запускает механизм отмщения. Система доносов подрывает в человеке основы человечности. Лю Чжэньюнь то и дело описывает ситуации, в которых людей отличает радость возмездия. В результате, так же, как и в предыдущих романах писателя, в этом произведении «вчерашние друзья в один момент становятся злейшими врагами. Мужья и жены живут не разговаривая. Дружба, любовь и преданность — очень непрочные понятия» [12]. При этом, как отмечает С. В. Сиротин, «назвать автора пессимистом тоже нельзя, потому что собственного мнения он не высказывает... Он показывает взаимоотношения между людьми как они есть, и эти прямота и честность очень подкупают» [12]. В романе «Дети стадной эпохи» не раз звучат тезисы о том, что «в этом мире, куда ни глянь, никому нельзя было доверять» и что «чужая душа — потемки». Приведем конкретные примеры: «...усвоив урок Чжу Юйчэня, преподнесенный им восемнадцать лет назад, Ли Аньбан больше не обзаводился друзьями. Где же он мог так быстро отыскать со-

ветчика? <...> Ли Аньбан взял мобильник и начал листать список контактов. В нем значилось более тысячи имен, но, просмотрев их все, он убедился, что среди них нет ни одного человека, с кем можно было поговорить по душам. С ними можно было говорить на повседневные темы, обсуждать рабочие дела, вести светские разговоры, можно было даже пошутить, но вот довериться в час тоски и сомнения было некому. И сейчас Ли Аньбан в полной мере осмыслил слова писателя Лу Синя, который как-то сказал, что в жизни у человека должна быть хотя бы одна родственная душа. Оказывается, родственная душа нужна была не для попоек и кутежа, а для того чтобы рассеять тоску и смятение» [14, с. 180–181]. Здесь снова напрашивается цитата из «Записок сумасшедшего»: «Я, у которого за спиной четыре тысячи лет людоедства, только сейчас понял, как трудно встретить настоящего человека» [7, с. 24]. Ниже приведем размышления чиновника, попавшего в лапы дисциплинарной комиссии. Когда ему потребовалось срочное алиби, он начинает перебирать в уме возможные варианты поручителей. И здесь снова звучит мысль Лю Чжэньюня о взаимном недоверии людей: «У него имелось около тридцати кандидатур, и все эти люди были приятелями, но от всех этих вариантов Ян Кайто поочередно отказался..., нельзя было поручиться за их моральные качества. Кто знает, как бы они поступили в решающую минуту: приняли бы его игру или, наоборот, стали бы добывать лежачего?» [14, с. 235].

Напомним, что проблема человеческого общения на страницах произведений Лю Чжэньюня не имеет социальных границ, простой народ поражен теми же изъятиями. Вспомним размышления Ню Сяоли, которая собралась открыть собственную закусочную: «Сперва у нее появилась мысль пригласить в помощницы какую-нибудь знакомую со швейной фабрики, но ей показалось неудобным менять дружеские отношения на отношения хозяйки и подчиненной. К тому же Ню Сяоли боялась, что ничем хорошим это не кончится. Чем ближе друзья, тем больше зависти. Пока закусочная давала небольшую прибыль, то завидовать было нечему, но если дела у Ню Сяоли пойдут в гору, то подруга может и подвести...» [14, с. 260]. Приведенные выше примеры как нельзя лучше сочетаются с тезисом, который еще в 1926 г. прозвучал в романе Лао Шэ «Философия Чжана»: «В китайском обществе все лишено глубинного смысла, абсурдно, и внешняя иллюзорная гармония в межчеловеческих отношениях держится исключительно благодаря формализму и внутренней пустоте» [10, с. 104]. На наш взгляд, это лишний раз доказывает глубину проблемы человеческого общения и ее прямую связь с проблемами национального характера.

Лю Чжэньюнь, как и Лао Шэ, не строит иллюзий о возвышенной природе человека. Как отмечает С. В. Сиротин, «Лю Чжэньюнь не судит своих героев, он даже не жалеет их. Он занимает отстраненную позицию летописца, ему интересно рассказать о том, какие люди населяли Китай в XX веке, и сам этот рассказ оказывается важнее возможных выводов» [12]. Тем не менее вдумчивый читатель понимает, что сложившаяся в Китае ситуация противоречит представлениям писателей о должной природе человека. В этой связи интересные наблюдения делает исследователь творчества Лао Шэ А. А. Родионов, который отмечает, что «чем положительнее герой у Лао Шэ, тем сильнее выражено в нем личностное начало, тем сильнее он отчужден от окружающей его безликой массы. В 1933–1937 гг. со страниц произведений Лао Шэ исчезают идеальные герои, а синдром толпы поражает все большее

количество персонажей» [10, с. 123]. Возвращаясь к роману «Дети стадной эпохи», написанному уже в XXI в., мы можем говорить о том, что в восприятии Лю Чжэньюня стадность и синдром толпы окончательно поразили китайское общество. Уже название романа «Дети стадной эпохи» достаточно пессимистично, поскольку содержит в себе даже не столько предупреждение, сколько констатацию о свершившемся факте запуска механизма человеческого саморазрушения. Стадность стала неотъемлемой приметой эпохи.

Китайская критика по-разному оценила последнее произведение Лю Чжэньюня. Среди отзывов встречаются и резко отрицательные. К примеру, Ши Хуапэн обвиняет писателя в отсутствии глубины мысли и утверждает, что Лю Чжэньюнь не дал ощутить читателю трагедию, которая стоит за описанными им явлениями. По его словам, герои Лю Чжэньюня «лишены индивидуальных черт, что в целом создает ощущение компиляции фактов новостных лент, а не художественного произведения» [21, с. 87]. Роман оставил у него впечатление «завуалированных нападок и злостной клеветы», в нем можно увидеть лишь «заурядную критику злободневных явлений». Выделяя такой недостаток, как «ощущение новостного коллажа», Ши Хуапэн называет его подводным камнем, о который разбиваются произведения современной китайской литературы» [21, с. 87]. Ученый сетует, что такая литература «не побуждает человека к внутреннему самокопанию, как следствие вырождается думающий читатель» [21, с. 87].

В противовес такому мнению большинство критиков высоко оценили способность Лю Чжэньюня побуждать читателя к поиску глубоких смыслов и саморазвитию. Вспомним хотя бы упоминание писателем в романе имени Лу Синя. Как нам кажется, оно является кодовым словом, запускающим цепочку ассоциаций, которая в конечном итоге заставляет китайского читателя услышать уже не лусиневский, а лючжэньюневский крик о спасении детей. В статьях о писателе нередко звучит мысль о том, что «простота и краткость языка его произведений становятся ключом к постановке серьезных философских и социальных проблем, а юмор — путем их осмысления и отчасти принятия» [22]. По словам Цзинь Чуньпина, современная китайская литература представляет собой народную утопию, которая превращается в значимый эстетический образ, «хладнокровность, юмор, подшучивание и абсурд, которые присутствуют в тоне повествования, не в силах скрыть возмущения, разочарования и боли писателя» [23, с. 120]. «Книги Лю Чжэньюня показывают, как можно писать без прикрас, но с любовью и сочувствием к судьбе своего народа», — отмечает писатель и китаевед В. М. Рыбаков [22]. Китайский литературовед Дэн Цюн также говорит о том, что Лю Чжэньюнь не выносит высокопарных выражений, ему по душе простой язык, и такой же искренней реакции он ждет от своих читателей, чтобы те, читая его романы, «над чем-то посмеялись, над чем-то заплакали, а после прочтения обязательно над чем-то задумались» [24].

Вышеперечисленные высказывания звучат в унисон с тезисами самого Лю Чжэньюня. Основываясь на интервью писателя, а также на впечатлениях от бесед с ним, мы можем сделать вывод о том, что для него важно осмыслить путь, по которому движется его нация, показать людям себя со стороны. «Интеллигенция должна нести роль прожектора, освещающего будущее нации», — говорит Лю Чжэньюнь (цит. по: [13, с. 15]). На наш взгляд, роман «Дети стадной эпохи» как нельзя лучше поднимает вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» Это то самое

произведение, которое побуждает китайских читателей задуматься над судьбой нации.

Осмысливая вызовы цифровой эпохи и перспективы интернет-реальности, Лю Чжэньюнь рисует отнюдь не радужную картину последствий моральной дезориентации для китайского общества. Унаследовав литературную традицию, заложенную Лу Синем, Лао Шэ и другими выдающимися литераторами XX в. и развивая темы своего предшествующего творчества, писатель приходит в романе «Дети стадной эпохи» к выводу о том, что новые технологии не улучшают природу человека, а, напротив, усугубляют пороки национального характера, которые при наличии вездесущей виртуальной толпы лишь провоцируют стадное мышление.

Литература

1. Сиротин С.В. От молчания к болтовне. URL: <http://litteratura.org/criticism/1822-sergey-sirotin-ot-molchaniya-k-boltovne.html> (дата обращения: 09.03.2019).
2. Харари Юваль Ной. Sapiens: краткая история человечества. М.: Синдбад, 2019. 512 с.
3. 石晓丹. 刘震云: 这是吃瓜最好的时代 // 济南时报. 02.11.2017 [Ши Сяодань. Лю Чжэньюнь: это лучшая эпоха для глаzenia // Цзинань шибао 02.11.2017]. URL: <http://jnrb.e23.cn/shtml/jnsb/20171102/1692269.shtml> (дата обращения: 09.03.2019). (На кит. яз.)
4. 官方发布2016年十大新词:吃瓜群众、洪荒之力入选 [Официальные лица опубликовали десять новых слов 2016 года, в список которых вошли «чигуа цюньчжун (ротозей)» и «хунхун чжи ли (первозданная энергия)»]. URL: https://www.sohu.com/a/158096270_557048 (дата обращения: 09.03.2019). (На кит. яз.)
5. 刘震云谈新作《吃瓜时代的儿女们》 // 语言教学与研究. 2017. 第12期. 页3 [Лю Чжэньюнь о новом произведении «Дети стадной эпохи» // Юйянь цзясюэ юй яньцзю. 2017. № 12. С. 3]. (На кит. яз.)
6. 刘博. 走不出的“圆圈”—评刘震云《吃瓜时代的儿女们》 // 新乡学院学报. 2018. 35卷. 第5期. 页37–40 [Лю Бо. Порочный круг — о романе Лю Чжэньюня «Дети стадной эпохи» // Синьсян сюэюань сюэбао 2018. Т. 35, № 5. С. 37–40]. (На кит. яз.)
7. 鲁迅狂人日记 // 鲁迅文萃. 上海: 百家出版社. 2001. 1卷. 页11–24 [Лу Синь. Записки сумасшедшего // Сборник сочинений Лу Синя. Шанхай: Байцзя чубаньшэ. 2001. Т. 1. С. 11–24]. (На кит. яз.)
8. Хузиятова Н.К. Предисловие // Папапа. Современная китайская повесть. СПб.: Гиперион, 2017. С. 5–26.
9. Завидовская Е.А. «Меня зовут Лю Юэцзинь»: роман-эпхн о похождениях рабочего-мигранта в Пекине. URL: <https://www.livelib.ru/reader/EkaterinaZavidovskaya> (дата обращения: 09.03.2019).
10. Родионов А.А. Лао Шэ и проблема национального характера в китайской литературе XX века. СПб.: Роза мира, 2006. 263 с.
11. Завидовская Е.А. Сатирический роман Лю Чжэньюня «Я не Пань Цзиньлянь»: гротеск, которому веришь. URL: <https://www.livelib.ru/review/524618-ya-ne-pan-tszinlyan-lyu-chzhenyun> (дата обращения: 09.03.2019).
12. Сиротин С.В. Склонная жизнь. Лю Чжэньюнь. Одно слово стоит тысячи. URL: <http://noblit.ru/node/3581> (дата обращения: 09.03.2019).
13. 冯美. 网络围观下的权力景观与话语狂欢—评刘震云《吃瓜时代的儿女们》 // 中州大学学报. 2018. 35卷. 第4期. 页15–18 [Фэн Мэй. Власть под прицелом Интернета и языковая вседозволенность — о романе Лю Чжэньюня «Дети стадной эпохи» // Чжунчжоу дасюэ сюэбао. 2018. Т. 35. № 4. С. 15–18]. (На кит. яз.)
14. Лю Чжэньюнь. Дети стадной эпохи / пер. с кит. О. П. Родионовой. СПб.: Гиперион, 2019. 319 с.
15. Никитина А.А. Особенности изображения героев в китайской романистике 50-х годов XX века // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 13. Востоковедение и африканистика. 2013. Вып. 4. С. 61–67.

16. 余梦林. 《我不是潘金莲》和《吃瓜时代的儿女们》的故事比较 // 新乡学院学报 2018. 35卷. 第10期. 页30–32 [Юй Мэнлин. Сравнение романов «Я не Пань Цзиньлянь» и «Дети стадной эпохи» // Синьсян сюэюань сюэбао. 2018. Т. 35, № 10. С. 30–32.]. (На кит. яз.)
17. Юй Хуа. Десять слов про Китай / пер. с кит. Р. Г. Шапиро. М: Астрель, 2012. 220 с.
18. Сиротин С. В. Сказ о разводе // Урал. 2016. № 5. URL: <http://uraljournal.ru/work-2016-5-1619> (дата обращения: 09.03.2019).
19. Адамс О. Ю. Антикоррупционное законодательство КНР в 1995–2015 гг. // Россия и современный мир. 2018. № 1. С. 206–218.
20. Жилкибаев С. Н. ЦКПД КПК «на передовой» борьбы с коррупцией в КНР // Общество и государство в Китае. 2017. Т. 47, № 22-1. С. 507–515.
21. 石华鹏《吃瓜时代的儿女们》: 枯萎的虚构能力 // 文学自由谈. 2018. 第2期. 页81–89 [Ши Ху-пэн. «Дети стадной эпохи»: хилые потуги на вымысел // Вэньсюэ цзыюотань. 2018. № 2. С. 81–89]. (На кит. яз.)
22. Я приехал в Россию по стопам своих персонажей»: интервью с писателем Лю Чжэньюнем. URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/pisatel-lyu-chzhenyun-ya-priehal-v-rossiyu-po-stopam-svoih-personazhey.html> (дата обращения: 09.03.2019).
23. 金春平. 荒诞生活的虚构、复仇与反讽—评刘震云《吃瓜时代的儿女们》 // 当代文坛. 2018. 第3期. 页118–123 [Цзинь Чуньпин. Фальшь, месть и ирония абсурдной жизни — о романе Лю Чжэньюня «Дети стадной эпохи» // Дандай вэньтань. 2018. № 3. С. 118–123]. (На кит. яз.)
24. 邓琼. 刘震云: 吃瓜群众也许在决定你的命运 // 羊城晚报 05.11.2017 [Дэн Цюн. Лю Чжэньюнь: возможно, вашу судьбу сейчас решают ротозеи // Янчэн ваньбао. 05.11.2017]. URL: http://ep.ucwb.com/epaper/ucwb/html/2017-11/05/content_197964.htm#article (дата обращения: 09.03.2019). (На кит. яз.)

Статья поступила в редакцию 6 апреля 2019 г.,
рекомендована к печати 12 декабря 2019 г.

Контактная информация:

Родионова Оксана Петровна — канд. филол. наук, доц.; o.rodionova@spbu.ru

Themes and Images in Liu Zhenyun's Novel "Strange Bedfellows"

O. P. Rodionova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Rodionova O. P. Themes and Images in Liu Zhenyun's Novel "Strange Bedfellows". *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2020, vol. 12, issue 1, pp. 66–87. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2020.105> (In Russian)

The paper examines themes and images in the novel by Chinese writer Liu Zhenyun (b. 1958) "Strange Bedfellows" (2017), which on the one hand is an attempt to comprehend the interpersonal relationships and human existence in the era of technical progress, and, on the other, follows the tradition of spiritual quests in Chinese and world literature. The themes and images of the novel highlight a number of problems of modern Chinese society related to the cultural and ethnopsychological features of the Chinese nation. The fundamental theme of Liu Zhenyun's new novel is the national character of the Chinese. Among Chinese writers, who brilliantly explored the subject, the contributions of Lu Xun (1881–1936), Lao She (1899–1966) and Lin Yutang (1895–1976) are the most significant. In the novel "Strange Bedfellows" Liu Zhenyun continues to ridicule the vices of his contemporaries. A distinctive feature of his work is the presence of an invisible, but ubiquitous crowd of Internet onlookers. The

characters of the novel “Strange Bedfellows” are infected with a thirst for benefits. Shrewdness, mercantilism and deception run the show. Liu Zhenyun gives these traits to heroes of all social strata. There are no boundaries between positive and negative characters in his works. Besides, the writer considers the problem of corruption of the people and the authorities. On the one hand, it is revealed through the topics outlined above, and on the other — through the theme of the fight against corruption and luxurious lifestyle. The author makes it clear that the good intentions of the leadership to eradicate the phenomena of moral decay do not so much awaken good intentions in people, but rather trigger the mechanism of revenge. The system of snitching undermines the foundations of human nature and as a consequence, Liu Zhenyun addresses the problem of communication among the people. Reflecting on the challenges of the digital era and the prospects of Internet reality, Liu Zhenyun paints a picture of the consequences of moral disorientation of compatriots. Having inherited the literary tradition laid down by outstanding writers of the 20th century and developing the themes of his previous novels, the writer comes to the conclusion that new technologies aggravates the vices of the national character, which in the presence of the omnipresent virtual crowd provoke a herd mentality.

Keywords: Liu Zhenyun, “Strange Bedfellows”, national character, Chinese literature.

References

1. Sirotin S. V. *From Silence to Chatter*. Available at: <http://litteratura.org/criticism/1822-sergey-sirotin-ot-molchaniya-k-boltovne.html> (accessed: 09.03.2019). (In Russian)
2. Harari Yuval Noah. *Sapiens: a Brief History of Humankind*. Moscow, Sinbad Publ., 2019. 512 p. (In Russian)
3. Shi Xiaodan. Liu Zhenyun: zhe shi chigua zui hao de shidai [Liu Zhenyun: This is the Best Era for Staring]. *Jinan Shibao*. 02.11.2017. Available at: <http://jnrb.e23.cn/shtml/jnsb/20171102/1692269.shtml> (accessed: 09.03.2019). (In Chinese)
4. *Guanbu fabu 2016 nian shi da xinci: chigua qunzhong, honghong zhili ruxuan* [Officials Have Published Ten New Words of the 2016 Year, a List which Included “Chigua qunzhong (Melon Eaters)” and “Honghong zhili (Primordial Energy)”. Available at: <http://news.163.com/17/0718/12/CPKJOAKE00018AOQ.html?baik> (accessed: 09.03.2019). (In Chinese)
5. Liu Zhenyun tan xinzuo “Chigua shidaide ernvmen” [Liu Zhenyun about the New Masterpiece “Strange Bedfellows”]. *Yuyan Jiaoxue Yu Yanjiu*, 2017, no. 12, p. 3. (In Chinese)
6. Liu Bo. Zoubuchude “yuanquan” — ping Liu Zhenyun “Chigua shidaide ernvmen” [Vicious Circle — About Liu Zhenyun’s Novel “Strange Bedfellows”]. *Xinxiang Xueyuan Xuebao*, 2018, vol. 35, no. 5, pp. 37–40. (In Chinese)
7. Lu Xun. Kuangren riji [Diary of a Madman]. *Lu Xun wencui*. Shanghai, Baijia chubanshe, 2001, vol. 1, pp. 11–24. (In Chinese)
8. Khuziyatova N. K. Preface. Papapa. *Modern Chinese Novel*. St. Petersburg, Hyperion Publ., 2017, pp. 5–26. (In Russian)
9. Zavidovskaya E. A. “*The Cook, the Crook, and the Real Estate Tycoon*”: an Action Novel about the Adventures of a Migrant Worker in Beijing. Available at: <https://www.livelib.ru/reader/EkaterinaZavidovskaya> (accessed: 09.03.2019). (In Russian)
10. Rodionov A. A. *Lao She and the Issue of National Character in the Chinese Literature of the 20th century*. St. Petersburg, Rose of the World Publ., 2006. 263 p. (In Russian)
11. Zavidovskaya E. A. *Satirical Novel of Liu Zhenyun “I Did Not Kill My Husband”: the Grotesque, which You Believe*. Available at: <https://www.livelib.ru/review/524618-ya-ne-pan-tsinlyan-lyu-chzhenyun> (accessed: 09.03.2019). (In Russian)
12. Sirotin S. V. *Quarrelsome Life. Liu Zhenyun’s novel “Someone to Talk to”*. Available at: <http://noblit.ru/node/3581> (accessed: 09.03.2019). (In Russian)
13. Feng Mei. Wangluo weiguanxiade quanli jingguan yu huayu kuanghuan — ping Liu Zhenyun “Chigua shidaide ernvmen” [The Government under the Scope of the Internet and Linguistic Permissiveness —

About Liu Zhenyun's Novel "Strange Bedfellows"]. *Zhongzhou Daxue Xuebao*, 2018, vol. 35, no. 4, pp. 15–18. (In Chinese)

14. Liu Zhenyun. *Strange Bedfellows*. Transl. by O. P. Rodionova. St. Petersburg, Hyperion Publ., 2019. 319 p. (In Russian)

15. Nikitina A. A. Character Portrayal in Chinese Novels of the 1950s: the Party Loyalist vs. the Bourgeois Anti-Hero. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13. Asian and African Studies*, 2013, iss. 4, pp. 61–67. (In Russian)

16. Yu Menglin. "Wo bu shi Pan Jinlian" he "Chigua shidaide ernvmen" de gushi bijiao [A Comparison of the Novels "I Did Not Kill My Husband" and "Strange Bedfellows"]. *Xinxiang xueyuan xuebao*, 2018, vol. 35, no. 10, pp. 30–32. (In Chinese)

17. Yu Hua. *Ten Words about China*. Translated by R. G. Shapiro. Moscow, Astrel' Publ., 2012. 220 p. (In Russian)

18. Sirotnin S. V. Tale of Divorce. *Ural*, 2016, no. 5. Available at: <http://uraljournal.ru/work-2016-5-1619> (accessed: 09.03.2019). (In Russian)

19. Adams O. U. Anti-corruption Laws of the PRC in 1995–2015. *Russia and the Modern World*, 2018, no. 1, pp. 206–218. (In Russian)

20. Zhilkibaev S. N. Central Disciplinary Commission of the CCP "At the Forefront" of the Fight Against Corruption in the PRC. *Society and State in China*, 2017, vol. 47, no. 22-1, pp. 507–515. (In Russian)

21. Shi Huapeng. "Chigua shidaide ernvmen": kuweide xugou nengli ["Strange Bedfellows": Feeble Attempts at Fiction]. *Literature Talks*, 2018, no. 2, pp. 81–89. (In Chinese)

22. *I Came to Russia on the Footsteps of My Characters: An Interview With Writer Liu Zhenyun*. Available at: <https://spbu.ru/news-events/novosti/pisatel-lyu-chzhenyun-ya-priehal-v-rossiyu-po-stopam-svoih-personazhey.html> (accessed: 09.03.2019). (In Russian)

23. Jin Chunping. Huangdan shenghuode xugou, fuchou yu fanfeng — ping Liu Zhenyun "Chigua shidaide ernvmen" [Falsehood, Revenge, and the Absurd Irony of Life — Liu Zhenyun's Novel "Strange Bedfellows"]. *Dangdai Wentan*, 2018, no. 3, pp. 118–123. (In Chinese)

24. Deng Qiong. Liu Zhenyun: chigua qunzhong yexu zai jue ding nide mingyun [Liu Zhenyun: Perhaps Your Fate is being Decided by the Onlookers]. *Yangcheng Wanbao*, 05.11.2017. Available at: http://ep.ycwb.com/epaper/ycwb/html/2017-11/05/content_197964.htm#article (accessed: 09.03.2019). (In Chinese)

Received: April 6, 2019

Accepted: December 12, 2019

Author's information:

Oxana P. Rodionova — PhD, Associate Professor; o.rodionova@spbu.ru